

АЛЬФРЕД ГРИБЕР

АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА

Повесть

1. ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ – СОЛНЕЧНОГОРСК

Далеко позади остался перрон вокзала с мамой, друзьями, подругами, а поезд уносил меня всё дальше и дальше в неизведанную даль. Мне предстояло стать солдатом Советской армии, забыв на три года свой дом, своих родных и близких, своих любимых, свои привычки и желания. Как сложится моя армейская служба? Где, с кем и как мне придётся провести предстоящие три года? Ответы на эти вопросы ждали меня в недалёком обозримом будущем.

Через два дня пути наш поезд прибыл в Москву. В пункте распределения призывников на Красной Пресне меня направили в город Солнечногорск Московской области (60 километров от Москвы) в Полк обеспечения учебного процесса Высших офицерских курсов «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Здесь в течение одного года проводили переподготовку командного и политического состава сухопутных войск звена полк— батальон в области тактики, стрелкового дела, методики тактической и огневой подготовки. Эти курсы тогда называли Полевой Академией Генерального штаба СССР.

Кроме офицеров Советской армии, здесь проходили переподготовку средние и высшие командные составы армий Варшавского договора и других государств социалистического содружества, большинства

арабских и африканских стран, так называемых «дружественных армий». Курсы «Выстрел» были в то время военным учебным заведением элитного уровня, начальником которого был Герой Советского Союза генерал армии Яков Григорьевич Крейзер (кстати, еврей по национальности).

Военный городок курсов «Выстрел» находился в городе Солнечногорске Московской области на берегу красивого озера Сенеж, которое было окружено лесами. Сам по себе этот городок был так называемым «городом в городе», так как представлял собой самостоятельную городскую структуру. Он включал в себя дома для семей офицеров и работников курсов, магазины, поликлинику, аптеку, Дом офицеров, парк, пляж, стадион, кафе, гостиницу, парикмахерскую, офицерскую столовую и различные хозяйственные постройки, административные здания и общежития офицеров курсов «Выстрел», а также различные воинские здания и постройки Полка обеспечения.

Полк обеспечения учебного процесса курсов "Выстрел" (воинская часть № 01451) состоял из подразделений всех родов сухопутных войск и занимался обеспечением учебного процесса курсантов, которыми являлись старшие офицеры Советской армии в звании от майора и выше, а также представители армий дружественных СССР стран. Личный состав нашего полка (офицеры, старшины, сержанты и рядовые) обучал курсантов и демонстрировал мастерство на всем, что могло стрелять, ездить, взрываться и колесить.

Но помимо основной обязанности по обучению курсантов, воины полка обязаны были нести внутреннюю караульную службу, наводить порядок на

территории, ну и, конечно, ходить в наряды по кухне и по подразделениям.

Целый месяц я провёл в так называемом «карантине», где прошёл курс молодого бойца. Рассказывать о всех его «прелестях» людям, которые не прошли службу в Советской армии, бесполезно, а тот, кто побывал в «карантине», знает, что это такое. Здесь я понял только одно: в армии нет никакой логики, тут все, всё и вся подчиняются приказам и распоряжениям старших командиров и начальников, солдат должен быть готов к различным тяготам и лишениям.

После принятия присяги я был зачислен в штат зенитной батареи. И начались суровые армейские будни. Нужно было изучить все виды оружия и боевой техники. Причём, не просто изучить, а овладеть ими таким образом, чтобы ежедневно мастерски демонстрировать их работу слушателям курсов «Выстрел» - советским и иностранным офицерам.

Пришлось нести караульную службу, охранять различные военные объекты, а также дневалить по батарее. А уж, сколько было нарядов на полковую кухню и столовую - даже и не сосчитать. По крайней мере, я перемыл за три года столько посуды, что ни одна женщина за всю свою жизнь столько не перемывает.

А сколько километров полов было вымыто за время службы - лучше и не вспоминать. Спасибо маме - научила меня в детстве, как это делать. Я уже не говорю о тех различных хозяйственных работах, которые приходилось выполнять мне и моим товарищам по службе: уборка территорий, копание траншей и ям, разгрузка и погрузка вагонов, работы на складах и так далее и тому подобное.

Уважение к себе я завоевывал добросовестным отношением к исполнению всех своих воинских обязанностей. Изучив хорошо зенитную технику, я в составе своего отделения и взвода принимал участие в обеспечении учебного процесса курсантов-офицеров, демонстрируя работу воинов-зенитчиков. Находясь в карауле, работая на кухне и будучи дневальным, я всегда исправно нёс службу.

Никогда ранее не занимаясь спортом, я за короткий период сдал все нормы военно-спортивного комплекса (ВСК), куда входили и кроссы, и преодоление различных препятствий, и выполнение необходимых упражнений на турнике и брусьях, и ещё многое другое. И когда кто-нибудь из моих товарищей по взводу не мог достичь тех или иных спортивных результатов, наши сержанты говорили ему:

- Как тебе, работяге, не стыдно пасовать перед этим очкариком-интеллигентом, который раньше и к спортивным снарядам не подходил.

Этот аргумент действовал безотказно, и многие ребята старались превзойти меня, что некоторым и удавалось.

В общем, служба - как служба!

2. ПЕРВЫЙ «ПОДХОД» К ПОЛКОВОМУ КЛУБУ

Ещё во время прохождения курса молодого бойца в «карантине» нас, молодых воинов, водили в кино в полковой клуб. И в первое же посещение я обратил внимание на то, что на сцене клуба стоит фортепиано.

- Отлично, - подумал я тогда, - есть шанс когда-нибудь помузицировать здесь. Интересно, а баян тоже имеется в наличии?

Оказалось, что и баян, и аккордеон имели место быть в клубе и даже находились в приличном состоянии.

Как-то раз в своё свободное личное время я пришёл в клуб и представился его начальнику:

- Здравия желаю, товарищ капитан! Разрешите обратиться?

- Здравия желаю! Обращайтесь!

- Я рядовой Грибер, прибыл недавно сюда и в настоящее время прохожу курс молодого бойца в «карантине». На «гражданке» я окончил музыкальное училище и университет искусств, работал в художественной самодеятельности, детсадах, школах, последние два с лишним года был концертмейстером Ансамбля песни и танца.

- Так, так, очень интересно. Давайте-ка расскажите мне всё подробнее.

Наша беседа затянулась на час. Начальника клуба интересовали многие подробности моей творческой жизни в Гурьеве.

Поглядывая периодически на часы, я старался не просрочить отведённое мне сержантами «карантина» время. Капитан, заметив мои взгляды, сказал:

- Я вижу, что время Вас поджимает и Вам нужно возвращаться в казарму. Ничего, это наш первый, но не последний разговор. Когда Вас после «карантина»

распределят в какое-нибудь подразделение полка, у нас будет больше возможностей для встреч. Могу только сказать Вам на прощание, что у нас в полку за время моего пребывания на этой должности ещё не было такого специалиста по художественной самодеятельности, как Вы. Поэтому мы с Вами будем тесно сотрудничать после окончания Вами «карантина».

- А разве в полку нет музыкального взвода?

- Музвзвод, конечно, есть, но там занимаются только игрой в духовом оркестре полка. В полковой художественной самодеятельности музвзвод участия не принимает. Хотя многие его музыканты своё свободное время отдают коллективам Дома офицеров, а не нашему клубу.

- А могу ли я, товарищ капитан, пользоваться клубными музыкальными инструментами для поддержания, так сказать, своей формы?

- Конечно, когда клуб открыт, Вы можете приходить сюда и играть на фортепиано или на баяне в Ваше свободное время. Естественно, с разрешения Ваших командиров. А сейчас возвращайтесь к себе в расположение. Если Вас будут спрашивать, где Вы были, скажете, что Вас вызвал к себе начальник клуба. Понятно?

- Так точно, товарищ капитан! Разрешите идти?

- Идите! Удачи Вам и до встречи!

Я не мог и предположить тогда, какие последствия для меня будет иметь эта встреча. Лишь позднее я узнал, что начальник клуба на следующий же день после

нашего разговора доложил заместителю командиру полка по политической части подполковнику Дерябину, что в полку появился молодой солдат, который на «гражданке» работал с художественной самодеятельностью.

По вечерам мне разрешали посещать клуб для занятий музыкой. Со мной обычно приходили ещё ребята из «карантина», которым я устраивал импровизированные концерты.

А когда после «карантина» я попал в зенитную батарею, начальник клуба поручил мне подготовить концерт полковой художественной самодеятельности ко Дню Советской армии. Я сразу принялся за знакомую мне работу. В личное время в вечерние часы я собирал в клубе энтузиастов художественной самодеятельности из нашей воинской среды, и мы разучивали песни, танцы, сценки из армейской жизни и другие различные концертные номера.

Концерт удалось подготовить хороший, я получил первую благодарность от командования полка, меня узнали и оценили в других подразделениях. Перефразируя Пушкина, могу сказать, что слух обо мне прошёл по всей части. И в дальнейшем меня уже приглашали в разные подразделения полка подготовить концертные номера на смотр полковой художественной самодеятельности или на смотр строевой песни.

Конечно, и в родной зенитной батарее я отыскивал таланты и привлекал их к искусству. Так, например, меня как музыканта, умеющего петь, командир батареи капитан Антипов назначил батарейным запевалой и обязал обучить весь личный состав батареи правильно петь строевые песни. Я довольно

быстро выявил ещё пару ребят с крепкими голосами, и с тех пор наша батарея стабильно занимала первые места на всех смотрах строевой песни.

Если в каком-нибудь новом фильме звучала песня об армии, она сразу становилась нашей новой строевой песней. Я тут же её разучивал с нашими зенитчиками. Так случилось, например, с песней ракетчиков из нового кинофильма «Ключи от неба». Тематика ракетчиков и зенитчиков была похожа, и эта песня на всё время моей службы стала визитной карточкой нашей батареи.

Бывало, что в период подготовки к смотрам художественной самодеятельности какое-то подразделение полка «покупало» меня у моих командиров, то есть посылало вместо меня в наряды и караулы своих солдат. А я в этот день занимался подготовкой талантов данного подразделения к концерту. Этими обстоятельствами очень удачно пользовались мои командиры по батарее, которые специально ставили меня в наряды, прекрасно сознавая, что меня заменит кто-нибудь из другого подразделения, а я после репетиций вернусь в родную батарею, и меня можно будет использовать ещё на каких-нибудь работах.

Как бы то ни было, но в свободное от службы время я занимался своим любимым делом - музыкой!

3. АРМЕЙСКИЕ «ПОДРАБОТКИ»

Как-то однажды после обеда выдалась у меня свободная минутка, и я решил навести порядок в своих нотных записях. Сел за стол в красном уголке и принялся за работу. Я отредактировал записи нот и

слов одной песни и уже собирался приняться за другую, как вдруг почувствовал, что у меня за спиной кто-то стоит. Обернувшись, я увидел командира батареи капитана Антипова, который молча наблюдал за моими действиями.

Я попытался встать со стула, но Антипов положил мне руку на плечо и сказал:

- Сидите, сидите, рядовой Грибер. А что это Вы тут пишете?

- Я редактирую песни для концерта в клубе, - ответил я. - Вот выдалось немного свободного времени, и я решил воспользоваться этим.

- Я вижу, что у Вас красивый почерк, - заметил капитан. - Всё написано очень понятно, удобно читается, а главное Вы пишете грамотно и аккуратно.

- Спасибо, товарищ капитан!

- А рисовать Вы тоже умеете? – вдруг спросил командир батареи.

- Нет, товарищ капитан, - отрицательно покачал я головой, - талантом художника я обделён.

- Я так не думаю. Раз Вы так красиво рисуете Ваши ноты, то, наверно, сможете и какую-нибудь картинку нарисовать, - сделал своё заключение мой собеседник.

- Ноты записывать намного проще, чем рисовать. Здесь только кружочки и палочки, - я сделал попытку объяснить. – А вот срисовывать какие-то рисунки по клеточкам я пробовал когда-то давно.

- Как это по клеточкам? – заинтересовался капитан.

- Очень просто. Нужно расчертить рисунок вертикальными и горизонтальными линиями с определённым интервалом. Получается такая координатная сетка. А потом делаете такую же сетку или сетку с другим интервалом на листе белой бумаги. И затем уже нужно воспроизвести все линии рисунка от клеточки к клеточке, - помогая себе выразительными жестами правой руки, вводил я своего командира в курс дела.

- Вот видите, а Вы говорите, что не умеете рисовать, - обрадовался капитан Антипов.

- Так я и не умею, товарищ капитан. А рисовать по клеточкам - это же примитивизм какой-то, а не рисование, - попытался я возражать.

- Ничего, ещё научитесь, - убедительно произнёс мой визави. - А пока у меня есть для Вас, рядовой Грибер, задание. Дело в том, что нужно привести в надлежащее состояние всю документацию батареи. А это и списки личного состава по взводам, и анкеты на каждого военнослужащего, и планы работ, и политинформации, и боевые листки, и всякие отчёты.

- А когда же я это всё должен делать? – поинтересовался я.

- Придётся Вам изыскивать время, чтобы эта работа не мешала выполнению Вами своих обязанностей по учебному процессу. Так что придётся покрутиться. Завтра утром явитесь ко мне в кабинет, чтобы получить весь фронт работы. Понятно, рядовой Грибер?

- Так точно, товарищ капитан!

Вот так у меня прибавились новые дополнительные обязанности. Однако приказ - есть приказ, и его следовало выполнять. Благодаря своей природной работоспособности, я успешно справлялся и с этим заданием. Очень скоро я знал всю подноготную о каждом солдате и офицере всех четырёх взводов нашей батареи. В любое время суток я мог дать подробную информацию о всех и вся.

Дело дошло до того, что мне было поручено планировать всю работу и весь учебный процесс зенитной батареи. Другими словами, командир подразделения капитан Антипов свалил на меня свои обязанности по написанию планов работы батареи и политинформаций. Теперь все командиры взводов (лейтенанты и старшие лейтенанты) приносили свои планы мне, и мы вместе с ними обсуждали, что целесообразно включать в общий план, а что нет. Складывалась довольно-таки абсурдная ситуация: рядовой первого года службы получил большие полномочия. Но никто с командиром батареи ссориться не хотел, да и, честно говоря, младшие офицеры не больно-то любили работать сами. Всех устраивало то, что я подготавливал. Капитан Антипов приходил, пробежал глазами написанное мной и подписывал всё без лишних слов.

Может сложиться впечатление, что жизнь моя стала легче. Напротив, она стала тяжелее. Мои непосредственные командиры-сержанты всегда хотели показать мне, чей я подчинённый в первую очередь. Поэтому в наряды меня назначали, как и всех остальных, без всяких скидок. Никаких поблажек в

боевой подготовке мне не давали. Наоборот, даже требовали больше, чем от остальных.

Естественно, пожаловаться кому-либо было чревато различными осложнениями. Поэтому приходилось терпеть и лавировать. С волками жить - по-волчьи выть.

Армия - это очень жёсткое и жестокое место. Пока удалось завоевать к себе уважение, прошло немало времени.

4. ТВОРЧЕСКИЕ РЕАЛИЗАЦИИ

После первого концерта, который был организован мной в клубе полка в честь Дня советской армии, начальник гарнизонного Дома офицеров пригласил меня принимать участие в концертах художественной самодеятельности курсов «Выстрел». Вначале я выступал в качестве концертмейстера, то есть аккомпанировал на баяне и фортепиано певцам и певицам, а также сопровождал на баяне танцевальные номера.

В клубе полка мне удалось организовать небольшой эстрадный оркестр из профессиональных музыкантов – воинов нашей части. Я в нём играл на аккордеоне и фортепиано. В оркестре появились и свои певцы, в репертуар которых входили самые современные и модные песни того времени. Да и сам оркестр исполнял как джазовую, так и современную популярную музыку.

Очень скоро наш эстрадный оркестр стал популярным и на сцене Дома офицеров, и на сценах города Солнечногорска и его окрестностей. Поэтому, когда в

одном из подшефных колхозов отмечали «Праздник урожая», его руководители обратились к командиру полка с просьбой о выступлении нашего эстрадного оркестра на этом праздничном вечере. И подобных просьб от других организаций поступало немало.

Удалось мне также создать вокальный квартет, в состав которого входили рядовые Грибер, Свистунов, Сучалкин и Филатов. В отличие от героев басни Крылова, наш квартет таки да получился. Мы выступали на всех концертах художественной самодеятельности в полковом клубе, Доме офицеров, а также на различных армейских смотрах художественной самодеятельности.

28 февраля 1967 года в Москве в Центральном Доме Советской Армии (ЦДСА) состоялся отчётный концерт художественной самодеятельности военных академий города Москвы. Из всех художественных коллективов Дома офицеров курсов «Выстрел» на этот концерт был отобран именно наш вокальный квартет. Мы исполнили музыкальную композицию «В землянке» на музыку К. Листова в моей аранжировке.

В концерте, посвящённом 1 мая, на сцене Дома офицеров 30 апреля 1966 года я впервые публично исполнил на рояле сочинённое мной ещё в Гурьеве музыкальное произведение под названием «Драматическая поэма». Раньше я его исполнял только своим друзьям. Моё выступление было успешным, и впоследствии я ещё неоднократно играл это своё произведение на различных концертах. А на выездных концертах, например, в Центральном доме Советской армии (ЦДСА), Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК), Государственном институте театрального искусства

(ГИТИС), моя «Драматическая поэма» в авторском исполнении всегда открывала концертную программу.

Но это было не единственное моё сочинение, которое исполнялось на концертах. За время службы в армии я сочинил несколько песен на стихи различных поэтов. А началось всё с того, что после одного из концертов в Доме офицеров ко мне подошла одна женщина:

- Здравствуйте, Альфред. Меня зовут Александра Нестерова. Мы могли бы с Вами поговорить?

- Конечно, - ответил я, - давайте присядем где-нибудь.

Мы сели около стола в гримёрной комнате, и Александра продолжила:

- Понимаете, Альфред, я давно уже пишу стихи. Они все разные, не похожие друг на друга. И мне кажется, что одно из моих стихотворений может стать песней. Не согласились бы Вы сочинить мелодию к этому стихотворению.

- Я могу попробовать, - согласился я. - А как называется Ваше стихотворение?

- Стихотворение называется «Подруга солдата». В нём говорится о солдате, который несёт свою службу где-то в тайге, вспоминает свою любимую девушку и мечтает о скорой встрече с ней, - пояснила Александра.

- Ну что ж, тематика нам очень близкая и понятная. А как можно прочесть это стихотворение? – спросил я.

- Оно здесь со мной. Если можно, я Вам его прочту. – предложила Александра.

И Александра прочла мне своё стихотворение. Его образы, его содержание, его ритмика мне понравились. И я решил попробовать написать к нему музыку. Текст стихотворения состоял из четырёх строк-куплетов. По мере проникновения в его содержание и создания мелодии я понял, что мне здесь не хватает ещё и припевов. А так как в тексте их не было, я решил сам досочинить припевы.

Благо времени в карауле было достаточно для стихотворчества. В течение суток у меня было 16 часов для сочинения (2 часа на посту плюс 2 часа бодрствования, умноженные на четыре смены). В конце концов, четыре припева к этому стихотворению я досочинил. Александра Нестерова согласилась с этими моими добавками. Параллельно создавалась и музыка. Вскоре новая песня появилась на свет и стала звучать на концертах.

Потом появились и другие мои песни, сочинённые на стихи уже известных поэтов: «Шёл солдат» (стихи Николая Доризо), «Песня о неизвестном солдате» (стихи Николая Доризо), «Хотят ребята в моряки» (стихи Константина Ваншенкина). И эти песни в исполнении наших солистов вошли в репертуар полкового эстрадного оркестра.

5. ДОРОГАЯ РОДНАЯ ГОСТЬЯ

Было обычное утро обычного дня конца лета 1966 года. Дневальный по батарее позвал меня к телефону. Когда я взял трубку, то услышал сообщение дежурного по штабу полка о том, что приехала моя мама, которая ждёт меня в штабе. Я отпросился у своих сержантов и побежал в штаб.

Встреча после долгой разлуки была радостной. Мама рассказала мне, что едет в отпуск в Житомир к бабушке и дедушке. На пару дней она остановилась в Москве у бабушкиной родной сестры Сары и её мужа Вадима, чтобы приехать ко мне в гости.

В связи с приездом мамы я получил от командира батареи увольнительную на весь день. Дежурный по штабу позвонил в гостиницу, которая находилась прямо на территории курсов «Выстрел» не очень далеко от моей казармы, и забронировал для мамы комнату.

Я взял мамины чемодан и большую сумку, и мы отправились поселиться в гостиницу. Когда мы зашли в комнату, где маме предстояло провести два дня, меня ждала большая неожиданность. Оказалось, что мама привезла из Гурьева угощение – трёхлитровый бутыль чёрной икры. Вот это был сюрприз - так сюрприз!

Я был несказанно рад тому, что смогу угостить своих друзей по армейской службе таким деликатесом.

Я загрузил драгоценный бутыль обратно в сумку и пошёл к себе в казарму, чтобы спрятать его там в каптёрке до вечера. В батарее меня встретили с поздравлениями. Ведь не каждый день к нам приезжают мамы! Я предупредил ребят, чтобы после отбоя они не ложились спать. А когда все офицеры и старшина уйдут, я вернусь в казарму, и мы все вместе отведаем мамин деликатес.

- Только не забудьте захватить в столовой ложки, - предупредил я своих друзей.

- А ты не забудь прихватить с собой пару бутылок вина, - напомнили они мне в ответ.

С отличным настроением я помчался в гостиницу к маме. Мы с ней провели вместе целый день. Я показал ей центральную часть города Солнечногорска, озеро Сенеж, наши парки. Наговорились за весь прошедший год, что провели друг без друга. Потом мы купили две бутылки вина и пошли в гостиницу.

А вечером, где-то в 22.30, я загрузил карманы бутылками с вином и стал осторожно задворками пробираться в казарму, прячась от встречных офицеров. В казарме меня уже все ждали. Ни офицеров, ни старшины в расположении батареи не было. Он сразу же после отбоя все ушли по своим домам. Так что нам никто не мешал. Дневальному по батарее был дан наказ: следить за появлением посторонних в казарме и предупреждать об опасности, если появится кто-нибудь из начальства.

И пиршество началось. Разливали вино по стаканам и передавали по кругу. Чёрную осетровую икру доставали из бутыля столовыми ложками и намазывали на хлеб, как сливочное масло. Почти все мои товарищи по батарее вообще впервые пробовали на вкус этот деликатес. Мне было приятно смотреть, как все получали удовольствие от такого угощения.

А уж сколько благодарностей было послано в адрес моей мамы – даже и не сосчитать! Все желали ей здоровья и передавали привет. Я тоже был очень благодарен маме за такой праздник. Его ещё долго вспоминали в нашей батарее.

Следующий день я опять провёл с мамой. Уже под вечер я проводил её на электричку, и она уехала в

Москву к тётке Саре и дяде Вадиму, а потом в Житомир. Я не мог тогда знать, что очень скоро мы снова встретимся, но уже ни при таких радостных обстоятельствах.

6. ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТПУСК

В один из сентябрьских дней 1966 года дневальный по зенитной батарее позвал меня к телефону. Звонили из штаба полка. Оказывается, на моё имя пришла телеграмма-молния из Москвы. Мне надлежало явиться немедленно в штаб и получить эту телеграмму.

Телеграмма была от дяди Вадима, в которой он сообщал мне, что скорострительно умерла от рака его жена - тётка Сара, родная сестра моей бабушки. Прочитав телеграмму, я стоял растерян, не зная, что делать дальше.

В это время по коридору штаба проходил заместитель командира полка по политической части подполковник Дерябин, который как бы курировал мою творческую деятельность в художественной самодеятельности. Увидев меня, стоящего посреди коридора и читающего какую-то бумажку, Дерябин спросил меня:

- Как дела, Грибер? Что Вы здесь делаете?

- Вот, товарищ подполковник, только что получил телеграмму и не знаю, что делать дальше.

- А что за телеграмма? - поинтересовался Дерябин.

- Да Вы сами прочтите, товарищ подполковник, - ответил я, протягивая ему телеграмму.

Дерябин пробежал глазами текст телеграммы и спросил меня:

- Так что же Вы хотите?

- Я бы хотел, товарищ подполковник, поехать на похороны своей тёти в Москву, если это возможно.

- Пойдёмте, Грибер, в мой кабинет. Там будем думать, как Вам помочь.

Как только мы зашли в его кабинет, Дерябин тут же подошёл к телефону и набрал какой-то номер. Вскоре я услышал его голос:

- Капитан Антипов? Говорит подполковник Дерябин. (Пауза)... Здравия желаю. Тут такое дело, Антипов. Сейчас у меня находится Ваш подчинённый - рядовой Грибер. Он получил телеграмму-молнию, в которой сообщается, что в Москве умерла его тётя. Он просит отпустить его на её похороны. Как Вы считаете, есть такая возможность? (Пауза)... А как он успевает в боевой и политической подготовке? (Пауза)... Понятно. А сколько он уже служит? (Пауза)... Так значит, у Вас к нему нареканий нет? (Пауза)... А как Вы смотрите на то, чтобы оформить ему отпуск на родину на 10 дней? (Пауза)... Хорошо, я не возражаю. Тогда быстро оформляйте рапорт на моё имя и сразу ко мне! Всё! Жду Вас у себя.

Положив телефонную трубку, Дерябин повернулся ко мне и сказал:

- Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Учитывая Ваши успехи, рядовой Грибер, в боевой и политической подготовке, а также активное

участие в общественной жизни полка, мы сейчас оформим Вам отпуск на 10 дней, не считая дороги, для поездки на родину. А уже по пути Вы сможете также и побывать на похоронах Вашей тёти. Ну как, Вы согласны?

- Конечно, товарищ подполковник, большое Вам спасибо.

- Сейчас идите в своё расположение и собирайте чемодан. Через полчаса, максимум через час придёте сюда в штаб, чтобы получить все необходимые проездные документы и деньги на дорогу. Всё понятно? Вы свободны. Хорошего Вам отпуска, рядовой Грибер!

- Спасибо большое, товарищ подполковник!

Я отдал честь, развернулся и вышел из кабинета. Все события произошли так стремительно, что я даже не успел толком осознать, что где-то через час я покину полк, курсы «Выстрел», Солнечногорск и уеду в Москву, а затем в Житомир.

Когда я приехал в дом тёти Сары и дяди Вадима на улице Кубинка в Кунцево, все родственники уже вернулись с кладбища. Среди них я увидел свою любимую двоюродную тётю Бэллочку, ту самую, которая присутствовала при моём рождении в городе Пятихатки. Мы с ней как обнялись, так и сидели, обнявшись, за столом всё время.

Дядя Вадим держался мужественно, хотя ему было трудно скрывать своё горе. Мы отлично понимали его состояние. Ведь он только что похоронил Женщину своей жизни, свою Любовь, свою Подругу, своё второе

Я! Никакие слова утешения не могли уже помочь ему. Он остался Один!!!

Мы сидели и вспоминали тётю Сару. Каждый рассказывал какие-то истории, связанные с ней. Казалось, что она незримо находится среди нас.

Вечером дядя Вадим и Бэллочка пошли провожать меня на автобус, который следовал на Киевский вокзал. Там я сел в поезд Москва-Киев, который на следующий день доставил меня в столицу Украины. А из Киева уже на автобусе я добрался до Житомира.

Приехал я, как говорится, из огня да в полымя. В Житомире меня тоже ждала нерадостная весть: моя бабушка лежала в больнице с тяжёлым и безнадёжным диагнозом - рак желудка. Мама почти всё время проводила у неё в больнице. Я тоже каждый день был там.

Прекрасно понимая, что бабушка уже не выздоровеет, мама решила вернуться на жительство в Житомир, чтобы ухаживать за своими родителями. Уже позднее, в ноябре 1966 года мама уволилась из треста «Гурьевнефтехимстрой», где с сентября 1964 года работала главным бухгалтером, и переехала на постоянное местожительство в Житомир. Здесь она начала работать главным бухгалтером в строительном-монтажном управлении Житомирского облпотребсоюза. Но всё это было потом.

А пока дни моего кратковременного отпуска пролетели незаметно. Из-за болезни бабушки, я почти никуда не ходил гулять, так как настроение было неважное. Настало время возвращаться в свою воинскую часть в Солнечногорск.

Уезжал я из Житомира с тяжёлым сердцем, понимая, что больше никогда не увижу свою дорогую бабушку, которую я очень сильно любил.

Вернувшись в Солнечногорск на курсы «Выстрел» в свой полк, я снова окунулся в армейскую жизнь с её буднями и праздниками, горестями и радостями, трудностями и удачами.

А следующим летом, 26 июля 1967 года моей бабушки Кейлы-Кати не стало. На её похороны меня уже не отпустили.

7. ТЕАТРАЛЬНАЯ «КАРЬЕРА»

Не зря говорят, чему быть - того не миновать.

Моя любовь к театру проявилась ещё в раннем детстве, когда мы с мамой посещали почти все спектакли Житомирского драмтеатра. Затем были мои не очень многочисленные попытки попробовать свои силы в качестве драматического актёра на сцене самодеятельных театральных коллективов города Гурьева.

Моё участие в художественной самодеятельности Солнечногорского Дома офицеров привело меня к знакомству с театральным коллективом Народной филармонии Центрального Дома Советской армии, который базировался в этом же Доме офицеров. Режиссёром этого театрального коллектива был в то время артист Центрального театра Советской армии Леонид Персиянинов.

Как-то в самом начале 1967 года он подошёл ко мне в Доме офицеров и предложил принять участие в

спектакле. Вот так сразу без предисловий и без лишних вопросов! И я, конечно, не смог отказаться от такого предложения. Мне была предложена роль портного Эмиля в героической комедии А. Галиева «Игла и штык». Мой герой был еврейским портным, которому большевики поручили очень важную миссию - сшить вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину шинель.

Как вы сами понимаете, роль эта была одной из центральных ролей спектакля. Поэтому я очень серьёзно отнёсся к этой новой работе. Очень большую помощь в реализации данного образа мне оказал режиссёр спектакля Леонид Персиянинов.

Премьера спектакля состоялась 7 апреля 1967 года, на которой присутствовали режиссёры и ведущие актёры Центрального театра Советской армии, которые оценивали работу как своего коллеги, так и самодеятельных актёров Народной филармонии ЦДСА. Разбор полётов происходил сразу после спектакля. В мой адрес было высказано много похвальных слов. В частности, разбирая одну сцену, где портной Эмиль, рассказывал и показывал красноармейцу Митрохину, как он принимал клиентов в ателье до гражданской войны, высокие гости из ЦТСА отметили, что они видели на сцене не двух, а трёх человек: Митрохина, Эмиля и довольно таки упитанную даму средних лет, которую Эмиль всё время обмеривал и обхаживал.

А в конце обсуждения спектакля было высказано мнение о том, что мне следует хорошенько подумать о поступлении после армии в театральный институт. Мне была поставлена очень высокая оценка, что и способствовало тому, что уже в следующем спектакле этого театрального коллектива я играл одну из центральных ролей.

В Москве в Театре имени Гоголя в то время шёл спектакль по комедии Г. Горина и А. Арканова «Свадьба на всю Европу». В нём разоблачались мещанство, очковтирательство, шумиха, трескотня, подмена правды жизни запланированным счастьем. Сюжет этой пьесы строился на том, что на телевидении, в молодёжном отделе, готовится передача о молодёжной свадьбе, которая будет транслироваться не только на весь район, но и на всю область, на всю Москву и на всю Европу. И создатели передачи - режиссёр и редактор - решают показать, так сказать, «товар лицом». В результате их так называемой «деятельности» заменяются не только гости и родственники, но и сами жених и невеста. Лишь бы было «смотрибельно». К счастью, передачу отменили.

И вот Леонид Персиянинов решил ставить спектакль по этой пьесе и в театральном коллективе Солнечногорского Дома офицеров. Я получил роль Режиссёра телевидения - одну из главных фигур спектакля. Роль была чрезвычайно интересна, и мне кажется, что она у меня получилась. Во всяком случае, я опять получил благодарные отзывы как от художественного совета, так и от зрителей.

8. ЗАРУБЕЖНЫЕ «АРТИСТЫ»

Где-то примерно в конце сентября - начале октября 1967 года дневальный по нашей зенитной батарее передал мне приказ командира батареи капитана Антипова немедленно явиться к нему. Я подошёл к двери комнаты офицеров и постучал в неё. В ответ слышался голос капитана Антипова: «Войдите!» Я

открыл дверь, вошёл в комнату и доложил по всей форме:

- Товарищ капитан, ефрейтор Грибер прибыл по Вашему приказанию.

- Вам, ефрейтор Грибер, надлежит немедленно явиться к заместителю начальника курсов «Выстрел» генерал-майору Дудченко, - сообщил мне капитан Антипов.

- Вы не знаете, товарищ капитан, по какому поводу меня вызывают к такому высокому начальству? – поинтересовался я.

- Нет, не знаю, - ответил мне Антипов. - Только что мне позвонил замполит полка подполковник Дерябин и передал этот приказ. Так что отправляйтесь немедленно, а потом расскажете мне, почему Вас вызывали.

Теряясь в догадках, я тут же отправился в приёмную генерал-майора Дудченко. Офицер-ординарец, как только я представился, сразу зашёл в кабинет генерала. Через несколько секунд он вышел из кабинета и, оставив дверь открытой, обратился ко мне со словами:

- Вас ждут. Вы можете войти.

Войдя в кабинет и увидев сидящего за столом генерала, я отдал честь и доложил:

- Товарищ генерал-майор, ефрейтор Грибер по Вашему приказанию прибыл!

Дудченко встал из-за стола, подошёл ко мне и сказал:

- Вольно, вольно. Прибыл - и хорошо. Садись, поговорим.

- Слушаюсь, товарищ генерал-майор.

- Оставь эти церемонии, ты же не на плацу.

Генерал сел за маленький столик и жестом пригласил меня занять место напротив.

- Ну, как служится, ефрейтор?

- Нормально, товарищ генерал. По военной и политической подготовке нареканий со стороны командиров не имею, караульную службу несую исправно, в наряды в солдатскую столовую иду как на праздник.

- Это хорошо, что нормально. А как тебя, сынок, зовут?

- Альфред.

- Альфред Грибер. Ты что немец?

- Нет, товарищ генерал, я еврей, как и начальник курсов «Выстрел» генерал армии Яков Григорьевич Крейзер.

Брови генерала при этих словах быстро взметнулись вверх, но так же быстро вернулись в своё первоначальное состояние.

- Ну, и ладно. Еврей, так еврей. Дошли тут до меня слухи, что ты активно занимаешься художественной

самодеятельностью в полку и Доме офицеров. Это у тебя хобби или как?

- Это моя профессия, товарищ генерал. Я окончил музыкальное училище и университет искусств, где получил несколько музыкальных специальностей, работал музыкальным работником в детских садах, учителем музыки и пения в общеобразовательных школах, руководителем художественной самодеятельности в клубах, а последние годы перед призывом в армию работал главным концертмейстером Ансамбля песни и танца.

- Да, неплохой у тебя послужной список. А как ты смотришь на то, чтобы организовать художественную самодеятельность среди офицеров дружественных армий, которые обучаются на наших курсах?

Этот вопрос был для меня неожиданным. Но, не подав вида, я ответил:

- Если мне поручат это дело, я сделаю всё возможное, чтобы выполнить возложенную на меня миссию.

- Вот и добре. Считаю, что я тебе поручаю найти и развить таланты наших офицеров-иностранцев. Если нужна будет какая-нибудь помощь, обращай прямо ко мне. Чем смогу - помогу. Не хочу тебя подгонять, но было бы очень хорошо, чтобы на концертах в честь пятидесятилетия великого Октября выступили и зарубежные «артисты» - офицеры дружественных армий. Чувствуешь, какая на тебе лежит ответственность? Так что, дерзай!

Я вышел из кабинета генерал-майора Дудченко и отправился в родную батарею, где доложил капитану Антипову о своём визите. Тот тут же позвонил

подполковнику Дерябину. О чём они говорили, я не знаю. На следующий день капитан Антипов вызвал меня к себе и сказал, что он предоставит мне возможность во второй половине дня уходить на репетиции с «иностранцами».

Первыми моими подопечными иностранными «артистами» стали офицеры Кубинской Народно-Революционной Армии. Среди них оказалось довольно таки много любителей песни, танца и музыки. Нам удалось создать небольшой вокально-инструментальный ансамбль, включающий в себя кубинские музыкальные инструменты. Музыканты ансамбля не только играли и пели, но и танцевали. В ансамбле появились и солисты - Ромон Примеро и Иван Дупорте. Репертуар ансамбля составлялся как из кубинских песен, так и из песен советских авторов.

Мне было очень приятно работать с кубинскими офицерами. Наши отношения весьма быстро стали дружескими, несмотря на наши различные воинские звания.

Первые выступления национального кубинского вокально-инструментального ансамбля офицеров Кубинской Народно-Революционной Армии состоялись на праздничных концертах, посвящённых 50-летию Великого Октября, 1 и 5 ноября 1967 года в Доме офицеров. Иван Дупорте исполнил две кубинские песни «Куба, красивая Куба» и «Камарера», а Ромон Примеро - песни «Джено тенго анадиэ» и «Подмосковные вечера». Успех ансамбля был ошеломляющий.

Кстати, на этих концертах солист Евгений Сучалкин в сопровождении полкового эстрадного оркестра

исполнил новую песню, написанную мной на стихи поэта Николая Доризо, «Шёл солдат».

После своих триумфальных выступлений мои кубинские «артисты» заявили мне, что я являюсь их самым лучшим другом.

- Если ты когда-нибудь приедешь на Кубу, - говорили они не раз, - тебе будет устроен приём по высшему разряду. Мы тебе покажем всю нашу страну. Ты будешь самым почётным нашим гостем.

Но на Кубу я за всю свою жизнь так ни разу и не попал. Так что не удалось мне испытать на себе гостеприимство своих кубинских друзей.

Успех кубинцев вдохновил на артистическую деятельность и офицеров других армий. Я начал подготовку тематического вечера дружественных армий, который также успешно прошёл в начале апреля 1968 года. За эту работу меня наградили почётной грамотой курсов «Выстрел», а начальник курсов «Выстрел» генерал армии Яков Григорьевич Крейзер объявил мне благодарность.

9. УЧЁБА С ВЫЕЗДОМ НА МОРЕ

Летом 1967 года мне посчастливилось целый месяц провести на Азовском море. А почему мне так повезло, да ещё во время службы в армии, я вам сейчас и расскажу.

В нашей зенитной батарее было четыре взвода. Первый взвод, в котором я имел честь служить, занимался изучением, эксплуатацией, обслуживанием и демонстрацией работы зенитных самоходных

установок. На тот период в распоряжении нашего взвода имелась зенитная самоходная установка ЗСУ-57-2, с которой мы успешно работали.

Но тут оказалось, что на вооружение в армию поступает новая секретная радиолокационная зенитная самоходная установка ЗСУ-23-4 «Шилка», которая была разработана и запущена в производство военной промышленностью СССР. И летом 1967 года поступает приказ: срочно отправить два экипажа в учебный центр для изучения этого нового военного чуда.

Решено было отправить группу из шести человек: командир взвода - младший лейтенант Шняк, младший сержант Максалов и ещё четверо рядовых. Отбирали среди рядовых самых способных, самых трудолюбивых, самых достойных, самых надёжных и вообще самых-самых.

Надеюсь, у вас, мои дорогие читатели, не возникло никаких сомнений по поводу того, что ваш покорный слуга соответствовал всем этим параметрам. Таким образом, я вошёл в состав группы, которая отправлялась на изучение новой техники.

Учебный центр находился в районе города Бердянска на высоком берегу Азовского моря. Из всех групп, которые прибыли сюда на учёбу, наша группа была самая малочисленная. Так как мы были единственными из Московского военного округа, то сразу же получили прозвище «москвичи». Из других округов Советского Союза приехали целые зенитные батареи в полном составе.

Рабочий день начинался сразу после завтрака с занятий. Каждая группа занималась отдельно от

других, поэтому и режим учёбы был разный в разных группах. Наша группа «москвичей» из шести человек занималась, можно сказать, очень своеобразно. Проведя один день в классе наедине с книгами, схемами и рисунками, я от лица всей группы обратился к нашему командиру со следующим предложением:

- Товарищ младший лейтенант, не сочтите нас нахалами, но у нас возникла одна идея по поводу проведения занятий нашей группы. Если Вы позволите, мы её Вам изложим.

- Очень интересно, что за идея пришла в ваши светлые головы, - улыбнулся в ответ младший лейтенант. - Чувствую, что здесь таится какой-то подвох. Хорошо, излагайте эту вашу идею.

- Когда нам читают общие лекции, мы все сидим в помещении. Когда мы проводим практические занятия, мы находимся в танкопарке на «Шилке». Но ведь когда проходят только наши групповые занятия, нам совсем не обязательно сидеть в душном помещении, в то время как буквально рядом с нами находится такое спокойное ласковое море. Мы предлагаем проводить такие занятия на берегу моря и уверяем Вас, что наши знания от такой смены обстановки только улучшатся. Мы обещаем Вам, товарищ младший лейтенант, что будем знать материал лучше всех.

- А мы и должны быть лучшими, - произнёс после некоторого раздумья наш командир. - Поэтому я согласен с тем, чтобы проводить наши занятия на море. Но с одним условием: к обеду каждый из вас рассказывает мне весь материал без запинки. Когда вы будете его изучать - это ваше дело. Но к обеду все

должны знать всё назубок. Если кто-то что-то не выучит, завтра на море не пойдём. Все согласны?

- Конечно, товарищ лейтенант. Все согласны. Мы не подведём, - дружным хором ответила вся группа.

Парни мы были смышлёные, поэтому распределили время таким образом, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Поплаваем, поплескаемся в море, потом выходим на берег, ложимся на песочек, книги в руки, тетради перед собой и устраиваем так называемый мозговой штурм. Потом один другому рассказываем, что каждый из нас узнал. Затем все вместе обсуждаем прочитанное. Как только мы понимаем, что все всё поняли, снова бежим в объятия тёплого ласкового моря.

Такой способ обучения быстро дал весьма положительные результаты. Доходило до того, что теоретический материал мы знали чуть ли не наизусть. Таким же образом мы проводили и политзанятия. И самое главное, что начальство учебных курсов всегда ставило нас, «москвичей», в пример другим группам, высоко оценивая наши знания и умения.

По вечерам нам через день показывали кино или мы смотрели телевизор. В красном уголке учебного центра были баян и гитара, и мы с одним парнишкой, кажется, с Украины, устраивали посиделки с песнями.

А надо вам сказать, что не очень далеко, примерно в двух-трёх километрах от нашего расположения, находилось какое-то село. И каждый вечер туда снаряжалась экспедиция за виноградным вином, которое делали сами жители этого села. Стоило оно по тем временам для нас где-то 1 рубль за литр. Так как вода в тех местах имела какой-то специфический

привкус, мы вместо неё часто пили это вино. Мало того, мы наливали его в большую канистру, которую прятали внутри нашей «Шилки». Таким образом, и во время практических занятий жажда нас не мучила.

День проходил за днём, неделя за неделей. Близился к концу срок нашего обучения. Впереди замаячили экзамены и практические стрельбы. Перед ними нас отвезли на полигон, где показали в действии работу ЗСУ-23-4. Военные самолёты с ближайшего аэродрома тянули за собой на длинном тросе какую-то болванку, а «Шилки» стреляли по ней. Попадания были настолько точными, что нередко снаряды перебивали трос, и болванка с шумом и воем падала вниз. Стрельбы возобновлялись спустя какое-то время, необходимое на замену троса.

После сдачи теоретических экзаменов по материальной части, нам тоже пришлось пострелять. Трос перебить нам, правда, не удалось, но зато болванку мы изрешетили вдоль и поперёк.

А в конце учёбы при подведении итогов наша группа Московского военного округа была признана лучшей среди всех групп данного курса. Нам всем была объявлена благодарность, а на имя командира полка было послано донесение о наших успехах.

10. НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Командир нашего полка обеспечения учебного процесса Высших офицерских курсов «Выстрел» был настоящий полковник: высокий, подтянутый, аккуратный, серьёзный, строгий, величественный и даже, можно сказать, грозный. Его взгляда боялись многие, поэтому старались не попадаться ему лишней

раз на глаза. Его громкий, наполненный всеми обертонами командирский голос разносился по плацу, заглушая любые посторонние шумы, и внушал личному составу полка, который замер по стойке «смирно», одновременно и уважение, и трепет, и доверие, и восхищение.

А уж вызов в кабинет командира полка никому не сулил ничего хорошего. Никто никогда не мог знать, кем и каким он выйдет из этого кабинета. Поэтому, когда я получил приказ явиться в кабинет командира полка, меня мучил только один вопрос:

- За что мне такое наказание и что я сделал не то?

Придя в штаб, я несколько минут постоял перед приёмной командира полка, чтобы справиться с волнением и набраться душевных сил. Войдя в приёмную, я представился секретарю:

- Здравствуйте, я рядовой Грибер из зенитной батареи. Мне приказано явиться к командиру полка.

- Он сейчас занят. Вам придётся подождать. Когда командир освободится, я о Вас доложу. А пока присаживайтесь.

Ждать мне пришлось недолго. Вскоре секретарь мне сообщила, что я могу войти в кабинет. Сделав глубокий вдох и набрав в лёгкие воздух, как перед прыжком в воду, я открыл дверь кабинета и вошёл в святая святых полка.

- Разрешите войти, товарищ полковник! Рядовой Грибер по Вашему приказанию прибыл! - отрапортовал я, пытаюсь сдержать волнение.

Командир сидел за своим письменным столом и что-то писал. Приподняв голову, он внимательно посмотрел на меня и, сохраняя серьёзное выражение лица, произнёс:

- Хорошо, проходи и садись.

И он показал мне рукой на стоящий перпендикулярно его письменному столу длинный стол с двумя рядами стульев по бокам. У меня немного отлегло от сердца.

- Ну, - думаю, - раз приглашает садиться, значит, ругать не будет.

Подойдя к столу, я сел на крайний стул. Командир вышел из-за письменного стола, подошёл к длинному столу и сел напротив меня. Он долго смотрел на меня испытывающим взглядом, как бы проверяя, стоит ли вообще со мной разговаривать. Я, в свою очередь, смотрел ему в глаза, не отводя взгляда, чтобы показать свою готовность к разговору.

- А скажи-ка мне, рядовой Грибер, - вдруг неожиданно произнёс полковник, - как тебе служится?

- Нормально, товарищ полковник. Вроде бы всё в порядке, - бодро ответил я.

- Да, знаю, что нормально, мне докладывали, - пристально глядя мне прямо в глаза, медленно, как бы задумчиво, произнёс командир.

Создавалось впечатление, что он изучает меня, пытаюсь проникнуть своим взглядом в мои мысли.

- Говорят, что ты не только хороший воин, но и хороший музыкант. Это правда?

- Товарищ полковник, мне как-то неудобно ставить самому себе оценки. Но раз говорят, значит, так оно и есть, - подтвердил я.

- А на каких инструментах ты играешь?

- На разных, но, в основном, на баяне, аккордеоне и фортепиано.

- Ну что ж, это мне подходит, - медленно произнёс командир.

И вдруг неожиданно он спросил:

- А тайны ты хранить умеешь или язык твой впереди тебя бежит?

- Я разговорчивый, товарищ полковник, но лишнего не болтаю и чужих секретов не выдаю, - уверенно произнёс я.

- Тогда у меня к тебе будет серьёзный разговор, - медленно чеканил слова полковник. - Но запомни одно: всё, что ты сейчас от меня услышишь, должно остаться только между нами. Ни один человек ни в полку, ни на «Выстреле» не должен об этом знать. Ты понял?

- Так точно, товарищ полковник, всё понятно. Я обещаю Вам, что оправдаю Ваше доверие.

- Хорошо, я вижу, что ты честный парень. А теперь внимательно послушай и честно ответь мне на такой вопрос. У тебя здесь есть гражданская одежда?

Неожиданный вопрос не обескуражил меня:

- Нет, конечно.

- Так, понятно. А размер у тебя какой?

- Одежда, кажется, 48-го размера. Я уже и подзабыл здесь в армии свои размеры. А обувь, вроде, 41-го размера.

- Хорошо, одежду и обувь я тебе достану.

Тон речи полковника стал более мягче, как бы доверчивее:

- Значит так, слушай внимательно. У меня есть друг, который живёт в Москве. Буквально на днях ему присвоили звание генерала. Мы с тобой поедem к нему домой на праздничный банкет. Твоя задача - создать приятную музыкальную атмосферу этого праздника. Фортепиано у него в доме есть, а баян на всякий случай возьми здесь в клубе. Если нужно, я дам команду, чтобы тебе его выдали.

- Не нужно, товарищ полковник, баян находится в моём распоряжении в батарее.

- Ну и отлично. Я позвоню твоему командиру батареи капитану Антипову и сообщу ему, что ты поступаешь в моё распоряжение. А ты через два часа должен быть у меня дома. Знаешь, где я живу?

- Нет, товарищ полковник, но я спрошу у кого-нибудь.

- Не надо ни у кого спрашивать. Я тебе сейчас напишу мой адрес.

Командир встал, подошёл к своему столу, взял листок бумаги и что-то быстро написал. Потом вернулся и протянул мне листок:

- Вот мой адрес. Жду тебя у себя дома через два часа. Не опаздывай.

- Слушаюсь, товарищ полковник.

- Кстати и об этом. Там на праздничном банкете ты будешь называть меня по имени-отчеству. А я тебя представлю как родственника своих друзей. Как твоё имя?

- Альфред.

- Красивое имя. Женщинам должно нравиться. Всё. Ты свободен, иди и готовься к поездке. Увидимся через два часа.

Выйдя из кабинета командира полка, я направился к себе в казарму. Необычность ситуации, в которую я попал, несколько смущала меня. Кто я такой и кто такой командир полка?!? Эта, на первый взгляд, несопоставимость придавала всему происшедшему оттенок какой-то нереальности. Но в то же время мне было приятно, что на меня обратил внимание наш командир полка. И не просто обратил внимание, но и определённым образом оценил меня и как личность, и как музыканта.

Приближалось время обеда, а это, как известно, самое главное для солдата. Как только я вернулся в казарму, меня сразу же вызвал к себе капитан Антипов и объявил мне, что после обеда я поступаю в распоряжение командира полка.

11. «ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ ЛЕБЕДЕЙ»

В назначенное время я был у двери квартиры полковника и надавил на кнопку звонка. Дверь мне открыл сам хозяин дома:

- Молодец, Альфред, пришёл точно в срок. Заходи, проходи в комнату. Тут мне для тебя достали одежду и обувь. Примерь, что подойдёт.

На стульях и на кровати висели и лежали несколько пар брюк, около десятка рубашек, два или три костюма, несколько галстуков. Перемерив всё это уже несколько забытое «гражданское» великолепие, я отобрал себе тёмный костюм, светлую рубашку и галстук в тон костюма.

Когда я переоделся и посмотрел на себя в большое зеркало, которое висело на стене в прихожей, то остался доволен своим внешним видом. Я даже отвык уже видеть себя таким. Поэтому мне было вдвойне приятно хоть на короткое время снова стать гражданским человеком. Командир тоже должным образом оценил мой штатский наряд, показав мне большой палец правой руки:

- Отлично выглядишь, Альфред! С таким видным парнем не стыдно и в квартире генерала показаться. Ну, я тоже сейчас буду преображаться. Посиди здесь, почитай журналы, а я скоро вернусь.

С этими словами полковник удалился в спальню, а я начал лениво перелистывать журналы, которые лежали на журнальном столике. Вскоре я услышал, как к дому подъехала легковая машина, а ещё через минуту в квартире раздался звонок.

Из спальни вышел высокий стройный мужчина, чем-то напоминающий нашего командира полка, в элегантном тёмном костюме, белой рубашке с тёмным галстуком и чёрных модельных туфлях. Он быстро подошёл к входной двери и открыл её. Я успел заметить за дверью сержанта, водителя легковой машины командира полка.

- Жди меня внизу, - сказал ему полковник, - мы сейчас уже едем.

Он закрыл дверь, окинул меня оценивающим взглядом и произнёс:

- Ну что, двинулись в путь. Бери свой баян, а мне нужно взять подарок.

Мы вышли из дома. Командир сел рядом с водителем-сержантом, я положил футляр с баяном в багажник «Волги», сел на заднее сидение, и машина плавно тронулась с места. Весь путь до Москвы мы проехали молча. Подъехав к какому-то дому, «Волга» остановилась. Мы с командиром забрали свои вещи, поднялись на второй этаж и вошли в одну из квартир.

Приветствия, поздравления, знакомство, обмен любезностями - всё это заняло несколько минут. Так как гостей ожидали примерно через час-полтора, мой командир сказал мне:

- Если хочешь, можешь на часок пойти погулять. Но чтобы к семи часам был здесь, как штык. Понял?

Как тут было не понять! Я с радостью вышел из дома, запомнив, естественно, его адрес, и отправился бродить по близлежащим улицам. Приятно было

ощущать себя не в солдатской робе, а этаким красиво одетым «денди», да ещё и почти совсем свободным. Увидев на площади военный патруль, я совершенно обнаглел и пошёл ему навстречу. Глядя в глаза офицера, я прошёл рядом с ним, почти коснувшись его руки. Понимая свою безнаказанность, я мог позволить себе такую бравату. Московская гауптвахта ещё не была готова принять меня в свои объятия!

Вернувшись с прогулки в назначенное время в квартиру новоиспечённого генерала, я застал там уже нескольких гостей. Меня представили, как родственника полковника, друга дома и моего командира, и студента консерватории. Праздничный банкет шёл своим ходом, я играл на баяне и фортепиано, пел вместе со всеми популярные песни и русские романсы.

Вдруг в какой-то момент я заметил, что вокруг меня остались только женщины, мужчины почему-то куда-то исчезли. Не обращая на это обстоятельство особого внимания, я продолжал ублажать дам романтической музыкой.

Неожиданно ко мне подошёл хозяин дома и спросил:

- Альфред, Вы можете сыграть «Танец маленьких лебедей»?

- Конечно, нет проблем, - ответил я.

- Тогда начните играть, когда я Вам дам знак. Хорошо?

Я кивнул в ответ и стал ждать условленного сигнала. Через несколько минут, выйдя из соседней комнаты, хозяин дома махнул мне рукой. Я заиграл «Танец маленьких лебедей» из балета Чайковского

«Лебединое озеро». Буквально сразу после первых тактов открылась дверь соседней комнаты, и оттуда держась за руки, как балерины в балете, стали выпрыгивать взрослые дяди в белых пачках, майках и носках.

Каково же было моё изумление, когда в последнем танцоре, который появился в дверях, я узнал своего командира! Гроза всего полка, строгий из всех строгих, серьёзнейший из всех серьёзных скакал, как мальчишка, в шеренге таких же балерунов!

Абсурдность увиденного чуть было не лишила меня способности играть. Пришлось срочно, что называется, взять себя в руки и доиграть номер до конца. Танцоры раскланялись и ушли туда, откуда и пришли. Вскоре уже в своём обычном виде они вернулись к столу. Праздничный банкет продолжался, но подобных сюрпризов больше не было.

Расходились гости около полуночи. Мой командир по дороге к машине тихо обратился ко мне:

- Альфред, я надеюсь, ты понимаешь, что всё то, что ты сегодня здесь увидел, должно остаться в этой квартире и не выйти за её пределы.

- Конечно, товарищ полковник. Считаю, что я ничего вообще не видел.

Вот такой был первый, но не последний мой выезд на «гражданку» с командиром полка.

12. ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Начало лета 1968 года не предвещало никаких неожиданных событий. Служба шла своим чередом: обеспечение учебного процесса, наряды в караулы, на кухню и дневальным.

В связи с переходом на двухлетний срок армейской службы все старослужащие, и я в их числе, с нетерпением ждали приказа министра обороны о нашем увольнении в запас этим летом. Настроение было «дембельское», то есть все мысли были о демобилизации.

Однако дни проходили за днями, но ничего не происходило.

И тут в середине июля меня вдруг неожиданно вызвал к себе замполит полка подполковник Дерябин. Явившись в штаб и подойдя к его кабинету, я постучал в дверь и приоткрыл её:

- Разрешите, товарищ подполковник!

- Да, да, заходите, Грибер, я Вас жду. Опять нужна Ваша помощь. Дело в том, что в пионерском лагере курсов «Выстрел» неожиданно уехал музыкальный руководитель, и дети остались без музыки. А Вы ведь работали когда-то в школе учителем пения, не правда ли? Значит, опыт работы с детьми у Вас есть. Мне сегодня позвонил заместитель начальника курсов генерал Дудченко и попросил направить Вас в лагерь в качестве музыкального руководителя. Как Вы на это смотрите?

- Предложение, конечно, интересное, товарищ подполковник. Но Вы же знаете, что мы со дня на день ждём приказ министра обороны о нашем дембеле. Ведь я уже отслужил два года и восемь месяцев. А

вдруг приказ придёт в то время, когда я буду в лагере?

- Ничего страшного, в таком случае мы Вас демобилизуем сразу после окончания лагерной смены. Так что, не волнуйтесь и поезжайте! Сегодня вечером Вас отвезут в лагерь к нашим пионерам. Поработаете там месяц, отдохнёте и заодно побудете на «гражданке». Так что идите, собирайте свои вещи и готовьтесь к отъезду. Желаю Вам приятно провести время в лагере!

С этими пожеланиями я вышел из кабинета замполита и направился в свою родную батарею собирать вещи.

С одной стороны, я был рад хоть на месяц сменить армейский образ жизни на гражданский. Но, с другой стороны, было опасение, что я упущу возможность демобилизоваться пораньше.

Однако, приказы командиров в армии не обсуждаются, а выполняются.

Придя в казарму, я тут же доложил командиру батареи о своём новом назначении и стал собирать свой незамысловатый скарб.

Машина за мной пришла из пионерского лагеря поздно вечером.

Приехав в лагерь после отбоя, я сразу же попал на вечернюю пятиминутку, где и познакомился со всем административно-преподавательским составом. Меня быстро ввели в курс моих новых обязанностей, выдали баян и сказали, что завтра я должен встречать пионеров на утренней гимнастике весёлой музыкой.

Так началась моя жизнь в пионерском лагере. О том, как пролетел месяц моей лагерной жизни, я рассказывать не буду. Все, кто хоть раз побывал в своей жизни в пионерском лагере, знают, какое это прекрасное время. Я напрочь забыл об армии и наслаждался представленной возможностью побыть гражданским человеком.

Но всему хорошему рано или поздно приходит конец. Отгорел последний пионерский костёр на закрытии лагерной смены, и я вдруг осознал, что приходится вновь возвращаться к своим армейским обязанностям, о которых я совершенно забыл, находясь здесь среди пионеров и пионервожатых.

13. ГОСПИТАЛЬ

Вернувшись в полк, я узнал, что долгожданный приказ о демобилизации всё-таки пришёл. Часть моих сослуживцев уже успела отбыть по домам. Я уже представлял, как через несколько дней меня также вызовут в штаб полка и объявят о моей демобилизации. Ведь у нас с замполитом полка была договорённость, что после работы в пионерском лагере меня отпустят из армии на все четыре стороны.

Однако произошли совершенно неожиданные события, разрушившие все мои ожидания. В ночь на 21 августа 1968 года войска пяти государств Варшавского договора (СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии) пересекли границы Чехословакии с целью подавления «пражской весны» – движения коммунистов-реформаторов. Всего за двое суток в Чехословакию было введено более 650 тысяч военнослужащих.

У нас в полку была введена особая готовность. Всем были розданы боеприпасы, противогазы и другие военные принадлежности. Полностью снаряжённые вещмешки находились у каждого солдата под кроватью. О событиях в Чехословакии нам говорили на политзанятиях. Командиры разных рангов и политинформаторы убеждали нас в том, что экстремисты и правые элементы в Чехословакии активизировались и пытаются захватить власть в стране, оторвать республику от социалистического содружества, а также реставрировать капитализм. И поэтому наш интернациональный долг - оказать помощь братскому народу.

Я понимал, что наш полк занимает особое положение, и вряд ли его пошлют в Чехословакию для оказания «братской помощи». Но всё равно на душе было тревожно и гадко. Моя демобилизация накрылась, как говорится, «медным тазом». Впереди были только неизвестность и ожидания. Снова потянулись тоскливые армейские дни и недели.

На моё счастье, я вдруг неожиданно простудился и попал в медсанчасть, а оттуда в военный госпиталь.

Здесь я должен сделать маленькое отступление и рассказать о своих связях с военным госпиталем.

Как-то во время одного из кроссов по пересечённой местности у меня вдруг появилась резкая сильная боль в правом боку. Надо признаться, что у меня и раньше случались такие боли при быстрой ходьбе или беге. Но в этот раз боль была такой сильной, что я катался по земле.

Меня тут же отправили в медсанчасть. Там не удалось установить причину этой боли, и поэтому я был

переправлен в военный госпиталь, который находился на другом берегу озера Сенеж. После всех проверок врачи поставили мне диагноз: камни в жёлчном пузыре. Меня, естественно, оставили в госпитале и начали лечить. Как впоследствии оказалось, диагноз этот был ошибочным. Рентгеновские снимки оказались некачественными, так как на них были видны какие-то пятна, которые врачи приняли за камни.

Следует отметить, что боль моя прекратилась уже по прибытии в госпиталь. Но раз врачи говорят, что надо лечиться, значит, надо. Я добросовестно принимал все лекарства и ходил на все процедуры.

Очень скоро мне стало скучно из-за вынужденного безделья. И тут в клубе при госпитале я обнаружил фортепиано. Радости моей не было предела. Всё своё свободное время я проводил в клубе, музицируя на фортепиано. Вскоре на звуки музыки потянулись в клуб и другие больные, а за ними и медсёстры, и врачи. Я с удовольствием устраивал импровизированные концерты для своих благодарных слушателей.

Об этом стало известно начальнику госпиталя. Он несказанно был рад таким музыкально-терапевтическим сеансам, как он называл мои выступления. У нас завязались такие хорошие отношения, что по окончании моего лечения ему не хотелось отпускать меня обратно в часть. На прощание он мне сказал, чтобы я сразу же приехал к нему в госпиталь, если почувствую себя плохо.

И вот я снова оказался в госпитале, где меня ещё помнили. Я был встречен, что называется, с распростёртыми объятиями. Простуду мою очень

быстро ликвидировали. Но вот выписывать меня из госпиталя совсем не торопились.

- Отдохни, - сказал мне начальник госпиталя, - подлечись хорошенько. И тебе хорошо, и нам приятно.

Целый месяц я устраивал концерты в госпитале на фортепиано и на баяне, который откуда-то специально привезли для меня. А какие песенные и танцевальные вечера мы проводили!

Но время безжалостно двигалось вперёд, и во второй половине октября мне всё-таки пришлось вернуться в полк.

14. ИСХОД ИЗ АРМИИ

Когда я вернулся из госпиталя в полк, то увидел, что обстановка здесь нормализовалась. Я понял, что пора предпринимать какие-то шаги для своей демобилизации. Ведь если сам о себе не позаботишься, кто ж о тебе вспомнит! За время моего пребывания в госпитале многие старослужащие уволились в запас. Нас, которые отслужили почти три года, осталось буквально единицы. Поэтому служить совсем уж не хотелось.

Я пошёл в штаб к подполковнику Дерябину, чтобы напомнить ему о нашем уговоре. Он, честно признаться, был обрадован моему появлению. Близился праздник - 7 ноября. А тут начальником штаба был назначен бывший командир танкового батальона, которому я не раз и не два помогал с художественной самодеятельностью.

В конце концов, собравшись все вместе, мы пришли к соглашению, что я подготовлю праздничный концерт в клубе полка и помогу в организации концерта в Доме офицеров, а после этого меня сразу демобилизуют. Я рьяно принялся за «дембельскую» работу. Были задействованы все творческие силы полка и курсов «Выстрел». 5 и 6 ноября 1968 года состоялись мои последние концерты на армейской службе.

7 и 8 ноября были праздничными днями. А 9 ноября утром я уже был в штабе, чтобы напомнить о себе. Мне сказали: «Приходи завтра». Я пришёл на следующий день, но всё повторилось. Тогда мне в голову пришла мысль: «А не позвонить ли мне, по старой памяти, командиру полка?» Задумано - сделано.

12 ноября, в свой очередной приход в штаб, я услышал от замполита полка подполковника Дерябина следующее:

- Могу Вас обрадовать. Ваши документы находятся на подписи у командира полка. Так что, вполне вероятно, завтра Вы уже сможете уехать домой. Подробности Вы можете узнать у начальника штаба.

Выйдя от Дерябина, я тут же направился к начальнику штаба. Тот подтвердил мне слова замполита:

- Твои документы, действительно, у командира полка на подписи. Он сам их затребовал. Как только он их подпишет, я тебе сразу позвоню. Иди, собирай вещи.

Обрадованный таким известием, я отправился в казарму паковать свой «дембельский» чемодан.

После обеда меня позвали к телефону. Голос начальника штаба сообщил мне:

- Всё в порядке, ты демобилизован. Завтра утром приходи в штаб за документами и денежным довольствием. Поздравляю тебя!

О моих чувствах в этот момент вы можете только догадываться! В оставшееся время до вечера мне предстояло обойти всех моих друзей, знакомых и сослуживцев, чтобы проститься перед расставанием.

13 ноября утром я пришёл в штаб. Все формальности заняли какое-то время. И вот я наконец-то получил документы и деньги. Можно ехать домой!!!

Тепло попрощавшись со всеми, я направился к проходной Высших офицерских курсов «Выстрел».

Прощай, армия!!!